

чит, они не допускают совсем уж беспочвенных фантазий! Даже мистики, пытающиеся раскрыть «священные коды пирамид», вынуждены считаться с достижениями научной египтологии. А тут — полный простор, и «нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху»⁵⁰. В этом смысле катастрофизм очень удобен для исторических мифов: он позволяет избежать необходимости представлять доказательств — с помощью ссылки на то, что они уничтожены в результате природных катаклизмов, с которых не взыщешь.

II.7.6. «Ура Линда» и «Велесова книга»

По многим параметрам история «*Ура Линды*» почти буквально совпадает с эпопеей «*Велесовой книги*» (она же «дощечки Изенбека»), опубликованной в 1952—1954 гг. писателем Ю. П. Миролюбовым в эмигрантском малотиражном журнале «*Жар-птица*». Мы не будем говорить о ней подробно, так как уже есть вполне исчерпывающие исследования Л. П. Жуковской и О. В. Творогова. Однозначно высказались на эту тему такие крупные (и по многим другим вопросам не согласные между собой) учёные, как Д. С. Лихачёв, Б. А. Рыбаков, Н. Н. Данилевский, Л. С. Клейн, В. П. Козлов, А. А. Алексеев, Е. В. Уханова, А. Л. Монгайт. Другие известные исследователи древней Руси, такие, как крупнейший славист В. Н. Топоров, О. Н. Трубочёв, В. Я. Петрухин, просто обошли «*Велесову книгу*» красноречивым молчанием (Творогов 2004: 7, 10—13). Общее мнение научного мира склоняется к следующему: у истоков эпоса с «летописями на буквых дощечках», скорее всего, стоял известный коллекционер и фальсификатор древностей А. И. Сулакадзев (рубеж XVIII—XIX вв.). Он мог изготовить некоторые дощечки — это было в его стиле (см.: Монгайт 1969: 78; Буганов, Жуковская, Рыбаков 2004: 46). Через сто лет они были случайно найдены полковником Добровольческой армии Ф. А. Изенбеком, после смерти которого в 1941 г. пропали. Ю. П. Миролюбов, по его же утверждению, видел эти дощечки у Изенбека, а после их пропажи дописал и то, чего не видел, полагаясь только на своё «духовное зрение». Для человека с мифологическим складом мышления такой ход мысли кажется вполне естественным. Но если Сулакадзев тут ни при чём, а Изенбек не обладал знаниями, необходимыми для фальсификации, тогда остаётся один Ю. П. Миролюбов, сам утверждавший, что видел в публикации свой вклад в борьбу против коммунизма и атеизма. Разумеется, никто не может заставить человека быть марксистом против его воли, но уважение вызывает только честный противник. А честность заключается не в целях, а в средствах.

И совершенно напрасны требования поклонников «*Велесовой книги*», чтобы на эту тему высказались *все* видные учёные, чтобы книга была подвергнута «исчерпывающему» анализу, а до тех пор разговор не кончен. Если в анализе работы по математике выясняется, что дважды два в ней будет восемь, — хотя бы одно простое указание на этот факт и есть исчерпывающий анализ. И он раз навсегда избавляет всех остальных учёных от необходимости тратить своё личное время, очень ценное и к тому же оплачиваемое государством, на дело, явно того не стоящее. Например, на доказательство фанатикам, что они — именно фанатики.

Отметим лишь черты сходства «*Велесовой книги*» с «*Ура Линдой*». Содержание обеих рукописей как раз не слишком удивило историков. Подлинные мифы и леген-

⁵⁰ М. Горький, «*Песня о Соколе*», финал первоначального варианта.

ды бывают не менее причудливыми. Например, автор «*Ура Линды*» знает имена и основные деяния полководцев Александра Македонского: Непарха, Антигона Одноглазого, Деметрия Полиоркета (OLB 2005: 45—46; Вирт 2007: 175—177). Здесь он куда ближе к исторической истине, чем многочисленные средневековые «романы об Александре», включая соответствующие главы у Фирдоуси. И это не мешает использовать эти романы как исторические источники — только не об Александре, а о времени их написания.

Но в обоих случаях первые подозрения вызвал «чудовищный волапюк» (Творогов 2004: 27), на котором написаны эти рукописи. В обоих случаях «язык книги, представляющий соединение архаизмов с новыми формами, совершенно невозможен с точки зрения истории языка» (Монгайт 1969: 77).

В обоих случаях «древнейший алфавит» рукописей на поверку оказался современным алфавитом (в одном случае — латиницей, в другом — классической кириллицей), лишь слегка стилизованным (в «*Велесовой книге*» — под индийскую графику).

В обоих случаях «легенда» документа не выдерживала никакой критики. Как мог Андриес Овер де Линден владеть рукописью, написанной на бумаге, изготовленной через 30 лет после его смерти? И в каком разорённом имении Изенбек обнаружил «*Велесову книгу*»? По уверению самого Ю. П. Миролубова и его сподвижника А. А. Кура, это было имение то ли князей Донских, то ли Задонских, то ли Донцовых, то ли Куракиных, то ли в Курской губернии, то ли в Орловской. Однако «никакого княжеского рода Задонских (или Донских, Донцовых) в России не существовало. Справки, наведённые у одной из Куракиных, не подтвердили наличия имения, принадлежавшего этой фамилии, в указанных губерниях» (Буганов, Жуковская, Рыбаков 2004: 39).

И там, и тут под видом «древнейших национальных скрижалей» учёным были представлены явные современные подделки: в одном случае — рукопись на фабричной бумаге со следами попытки подделать её под старину, в другом — фотокопия с прорисовки одной из «дощечек», с тех пор «исчезнувшей» (но поданная вначале как фотография не прорисовки, а самой дощечки).

И там, и тут явные несуразности в содержании и языке рукописей объяснялись ссылками на переписчиков и их редактуру. По Б. И. Яценко, протограф «*Велесовой книги*» относился к XIV—XV вв., а затем был переписан в XVII в. украинцем (см.: Творогов 2004: 20). Точно так же Г. Вирт, как мы помним, насчитывал в «*Ура Линде*» следы целых четырёх редакторов, причём один из них — совсем недавний. Однако речь идёт якобы о священных текстах древнейшей религии, хранимых так бережно, что они дожили до наших дней, несмотря на преследование официальной церкви. Неужели столь почитаемый текст мог искажаться настолько грубо?! Неужели неведомый язычник XIX века мог отредактировать собственную «библию» в духе Вольнея — даже не самого известного из просветителей? Для сравнения: в иудаизме разработан целый комплекс мер, охраняющих Тору от искажений при любой переписке. Открытие Кумранских рукописей показало, как действительны эти меры: расхождения между ними и современными изданиями Торы очень невелики. А ведь прошло, как-никак, две тысячи лет. Точно так же в средние века интерполяции и глоссы допускались в какой угодно книге, кроме Библии. Отчего же гипотетические язычники, для которых сохранение веры отцов явно было вопро-

сом выживания, оказались столь мало щепетильными к *содержанию* этой веры? То есть — к самому принципиальному для себя вопросу?

В обоих случаях современные издатели весьма произвольно обращались с текстом своих первоисточников. Это особенно странно, если учесть, что эти тексты для них вроде как священные. Если Г. Вирт произвольно переставлял части «*Ура Линды*», а некоторые из них заменял пересказом, то А. И. Асов трижды переиздавал «*Велесову книгу*» — в 1990, 1994, 2000 гг. — в новом варианте, который при этом тоже продолжал меняться (Клейн 2004: 116).

«Далее, любопытно, что все *критики* книги — известнейшие специалисты, слависты-профессионалы: палеограф, историк, археолог, специалист по древнерусской литературе, лингвист. А все, кто *отстаивал* книгу, специального образования не имеют, в славистике и палеографии несведущи» (Клейн 2004: 118). Это сказано о «*Велесовой книге*», но не меньше относится и к «*Ура Линде*», в защиту которой не выступил *ни один* известный учёный из признанных научных центров. Объяснить это каким-то мифическим «сговором» учёных невозможно: всякий, кто хоть раз соприкасался с научным миром, знает, что его нормальная атмосфера — постоянные дискуссии. Как остроумно заметил Ф. Ницше (*Человеческое, слишком человеческое*, III, 110), *consensus sapientium* (единое мнение всех учёных) существует лишь по одному вопросу: что *consensus gentium* (всеобщее согласие) возможно лишь по поводу глупостей. В любой научной сфере всегда есть несколько школ, и то, с чем не согласна одна, может получить поддержку другой. Только та идея, которая выдержит такой прогон сквозь строй, может рассчитывать на авторитет. А если даже в науке одной страны установлено принудительное единомыслие — оно не указ для коллег из-за кордона. Какие уж тут возможны заговоры!

Обе рукописи отлично вписались в идеологию современных политических движений: в одном случае — фризского национализма, в другом — русского неоязычества. После первого и уже тогда исчерпывающего вердикта учёных все дальнейшие споры вокруг обеих рукописей носили не научный, а политический характер, и всплески национализма вели к реанимации доказанных фальшивок.

Наконец, по классификации подделок В. П. Козлова обе рукописи попадают в одни и те же рубрики.

Сходство настолько разительно, что трудно избавиться от впечатления (быть может, ошибочного) о влиянии скандала вокруг Г. Вирта на авторов «*Велесовой книги*». Не забудем: этот скандал — 1933—1937 гг., а публикации Ю. П. Миролубова начинаются в 1952 г., когда число публикаций об «*Ура Линде*» упало до 3—4 в год. Близость по времени вполне достаточная. К тому же следование германским образцам (осознанное или нет) — как раз очень характерная черта русских правых.

* * *

Итак, мы наметили круг авторов, работы которых в дальнейшем будем анализировать. Анализ будет касаться двух основных сторон: сопоставление представленных «Мифов» по содержанию и по методам их конструирования.